

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Россия как империя: Современный взгляд.....	5
<i>Рибер А.</i> Борьба за евразийское пограничье: От империй Раннего Нового времени до конца Первой мировой войны. (Реферат).....	19
<i>Коллманн Н.Ш.</i> Российская империя, 1450–1801. (Реферат).....	28
<i>Романелло М.П.</i> Неуловимая империя: Казань и рождение России, 1552–1671. (Реферат).....	37
<i>Зувев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А.</i> Под сень двуглавого орла: Инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. (Реферат).....	43
<i>Стейнвелд Ч.</i> Нити империи: Лояльность и царская власть в Башкирии, 1552–1917. (Реферат).....	52
Малороссы vs украинцы: Украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи и СССР. (Реферат).....	61
<i>Гатагова Л.С., Трепавлов В.В.</i> «Перед толпою соплеменных гор». Проблемные вопросы истории политики России на Кавказе (XVIII–XIX вв.). (Реферат).....	78
<i>Комзолова А.А.</i> Северо-Западный край в составе Российской империи (1772–1914). (Обзор).....	88
<i>Шейнкер Э.Р.</i> Конфессии штетла: Обращенные из иудаизма в имперской России, 1817–1906. (Реферат).....	95
<i>Бояновская Э.М.</i> Мир империй: Путешествие русского фрегата «Паллада». (Реферат).....	100
<i>Сифнеос Э.</i> Имперская Одесса: Люди, пространства, идентичности. (Реферат).....	106
<i>Почекаев Р.Ю.</i> Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. (Реферат).....	113

<i>Кэмпбелл Й.В.</i> Знание и цели империи: Казахские посредники и российское управление в степи, 1731–1917. (Реферат).....	117
<i>Дунаева Ю.В.</i> История империи в биографиях: Государственный муж, воин, просветитель. (Обзор).....	127
<i>Большакова О.В.</i> Конец Российской империи: Современные интерпретации. (Обзор).....	150
<i>Брофи Д.Дж.</i> Уйгурская нация: Реформа и революция на российско-китайской границе. (Реферат).....	173

ПРЕДИСЛОВИЕ. РОССИЯ КАК ИМПЕРИЯ: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

Одним из влиятельнейших направлений в историографии России является изучение ее как многонациональной империи в рамках так называемых «имперских исследований» (imperial studies). Это направление возникло вскоре после распада СССР, который привлек внимание исследователей к проблеме империй как одной из форм существования государства, и с тех пор активно развивалось как в нашей стране, так и за рубежом. На сегодняшний день можно говорить о международной по своему характеру историографии России как империи, языком научной коммуникации в которой является в основном английский. На английском публикуют свои работы и многие наши соотечественники [21; 32; 39]. В последнее время выходит все больше совместных публикаций отечественных и зарубежных историков на русском или английском языке [10; 37].

Интернационализации имперских исследований России в большой степени способствует журнал «Ab imperio», выходящий в Казани на двух языках (русском и английском) и аффилированный с американской Ассоциацией славянских, восточноевропейских и евразийских исследований (ASEEES). Его вклад в развитие новой историографии империи трудно переоценить: благодаря созданию этого журнала и деятельности его редакции была осуществлена институционализация нового подхода к изучению истории России / СССР и государств бывшего советского пространства [7].

Большую роль в развитии имперских исследований России играет издательство «Новое литературное обозрение», которое с начала 2000-х годов выпускает как отечественные, так и переводные книги, написанные в рамках «имперской парадигмы» [2; 4; 5;

11; 12 и др.]. Хотелось бы отметить качество перевода многих из этих книг, а также точность выборки издательства НЛЮ, где крайне мало случайных или «проходных» работ. Продукция НЛЮ дает представление о том, что происходит в мировой историографии, хотя и не во всей полноте, что вполне естественно.

«Имперский поворот» в мировой историографии произошел на рубеже 1980–1990-х годов в связи с возникновением широкого интереса к проблемам национализма и бурным развитием постколониальных исследований. Его обычно интерпретируют как отход от изучения национального государства и обращение к истории империй, выделяя при этом «новую имперскую историю». В отличие от «старой» истории империй, занимавшейся изучением экономики, политики и военной экспансии, «новая» ассоциируется с категориями культуры, гендера, расы. Основным аналитическим инструментом этих исследований является «имперская парадигма», подразумевающая «особый» характер империй и неприменимость к ним обычных мерок национального государства [16; 46].

В основе имперской парадигмы лежит представление об империи как о государственном образовании, которое характеризуется следующими чертами: сильной, почти абсолютной властью правителя, обширностью территории и разнообразием подвластных земель и народов, их населяющих. При этом, с одной стороны, подчеркивается неравноправный, вертикальный характер власти в империи, где центр (метрополия) безусловно доминирует над периферией, с другой – признается толерантность имперского государства, управляющего разными народами и территориями на разных условиях. «Разнообразие» является ключевым словом в описании империи, создающейся путем завоеваний и сохраняющей на присоединенных территориях присущие им формы управления, социальной организации и образа жизни.

«Имперский поворот» предложил исключительно плодотворный ракурс для рассмотрения истории России. Довольно быстро в него «вписалась» зарубежная русистика (первые серьезные работы были опубликованы в конце 1990-х годов [23; 36], а затем и отечественная историческая наука [3; 9]). Однако траектория развития этой интернациональной историографии во многих отношениях отличается от мировой.

В течение 1990-х годов термин «империя» прочно вошел в научный обиход, фактически стал обязательным, что вовсе не означает, однако, приверженности «имперской парадигме» всех без исключения исследователей Российской империи. Тем не ме-

нее с тех пор стало уже невозможным смотреть на историю России без признания многонационального и поликонфессионального характера страны.

Имперская парадигма внесла существенные коррективы в представления историков: «русоцентристский» взгляд на Россию, господствовавший долгое время в историографии, сменился «имперским», что в первую очередь означало смещение фокуса внимания с центра к периферии – окраинам обширной империи, к проблемам национальной идентичности, а также особенностям государственностроительства в «имперской ситуации». В центре внимания исследователей оказалось «прекрасное прошлое» империи, прежде всего факторы стабильности, позволявшие ей успешно на протяжении веков управлять своими многочисленными народами. В то же время большую роль в этих исследованиях играет геополитический подход, позволяющий поместить историю Российской империи в глобальный контекст.

В предлагаемом вниманию читателей сборнике представлены отечественные и зарубежные работы, отражающие в той или иной мере современное состояние исследований истории России как империи. Каждый автор видит империю по-своему, мысленно опираясь на те или иные представления и концепции и зачастую корректируя, а то и переосмысливая их. В результате возникает мозаичный, но при этом и вполне целостный портрет Империи на всем протяжении ее исторического существования, которое охватывает, согласно современным интерпретациям, период со второй половины XV в. до 1917 г. Географический охват также чрезвычайно широк, включая в себя не только традиционные для имперских исследований России западные окраины, регион Поволжья, Кавказ и Среднюю Азию, но и русско-китайское пограничье, и Русскую Америку.

Сборник выстроен в основном в хронологическом ключе (хотя некоторые работы исследуют достаточно длительные периоды), но имеет и географическую «привязку», отражая очередность и постепенность вхождения территорий в состав Российской империи.

Открывает сборник реферат на фундаментальную книгу одного из крупнейших американских историков-русистов Альфреда Рибера, посвященную сравнительной истории пяти империй Евразии (реферат подготовлен А.А. Комзоловой). Согласно принятой классификации, Россия относится к типу континентальных империй, которые существенно отличаются от «морских» европейских

империй с заокеанскими колониями. Из этой классификации и исходит Рибер, предлагая обобщающий анализ истории континентальных империй Евразии (Габсбургов, Российской, Османской, Сефевидской и Цинской) и уделяя основное внимание России. Он демонстрирует, что сущность истории Евразии составляла «борьба за окраины», которые представляли собой «оспариваемое геополитическое пространство» в условиях, когда границы между империями были подвижными и проницаемыми. Материал задает систему координат для рассмотрения России в широком общеисторическом, сравнительном контексте.

Именно в таком ключе рассматривается история становления Российской империи в монографии американской исследовательницы Нэнси Шилдс Коллманн, известного специалиста по истории России XVI–XVII вв. (реферат написан О.В. Большаковой). Автор датирует период становления империи 1450–1800 гг., что совпадает с эпохой Раннего Нового времени в современной периодизации. «Евразийская парадигма» – представление о Российской империи как составной части Евразии – особенно уместна в данном случае. В то же время Коллманн продолжает традицию изучения Степи, сложившуюся к этому времени в историографии (серьезные работы были опубликованы американскими специалистами в начале 2000-х годов [см., например: 27; 47]). Автор развивает концепцию «империи различий», разработанную Дж. Бербанк и Ф. Купером [16], согласно которой политика опоры на различия, или политика «дифференциации» по отношению к различным группам населения (балтийские немцы и сибирские охотники требовали разных к себе подходов) обеспечивала стабильность и целостность империи.

Исследование Коллманн во многом построено на отталкивании от прежних подходов, которые она считает «наследием холодной войны»: от представления об «исконном российском экспансионизме» и о том, что Россия являла собой пример «восточного деспотизма», так же как и от мессианизма теории «Москва – Третий Рим», считая их полностью несостоятельными. В книге намечаются и прослеживаются крупные тенденции в империостроительстве на территории Евразии, которые привели к формированию, кристаллизации и последующему процветанию Российской империи.

Поскольку датой рождения Российской империи все чаще считается взятие Казани Иваном Грозным, большой интерес представляет реферат на книгу американца М. Романелло (автор реферата – А.А. Комзолова). В книге показано, как «начиналась» Российская

империя, как закладывались основы имперской политики в первом «ином» регионе, вошедшем в состав Московского царства. Книга является собой пример «регионального измерения» имперской истории России, однако на основе местного материала автору удается сделать заключения об общем ходе формирования политики империи.

В соответствии с современными тенденциями автор рассматривает Российскую империю в сравнительном ключе, однако опирается не на «евразийскую парадигму», как Нэнси Коллманн, а усматривает сходства и параллели с европейскими монархиями того времени. Основной вывод Романелло о том, что «реальная» империя возникла лишь через 100 лет после завоевания Казани, заслуживает самого серьезного внимания.

Покорению Сибири в конце XVI – начале XVIII в. посвящена коллективная монография отечественных историков А.С. Зуева, П.С. Игнаткина и В.А. Слугиной (реферат подготовлен О.В. Большаковой). Сибирь этого периода явно недостаточно изучалась в зарубежной историографии, из относительно недавних и интересных работ следует упомянуть монографию В. Кивелсон [28]; отечественные специалисты внесли гораздо более существенный вклад [см., например: 13]. Авторы обширного, основательно фундированного исследования сосредоточились в основном на сфере политического воображения. В центре их внимания – не фактическая сторона завоевания Сибири, а те идеологические инструменты, которые позволяли сделать Сибирь «русской», вводя ее таким образом в пространство власти Российского государства. В книге показан имперский характер московской экспансии, которая идеологически обосновывалась как миссия, заключающаяся в расширении пределов Русского православного царства – оплота истинной веры. Особое внимание уделяется титулатуре московского государя, которому стали подчиняться князья и ханы, что давало ему императорский статус. Авторы поддерживают точку зрения, что методы присоединения и дальнейшего освоения сибирских территорий, населенных многими народностями, являлись насильственными, и это в особенности касалось ментальной сферы – введения русской терминологии и географических названий.

Во второй половине XVI в. в состав Российской империи входит Башкирия. Книга американского историка Ч. Стейнведела служит ярким примером истории одного из имперских регионов, которую он прослеживает до первых лет советской власти (реферат написан О.В. Большаковой). Авторская концепция «лояльности» позволяет рассмотреть факторы стабильности, действовавшие

в процессе постепенной инкорпорации Башкирии в систему имперского управления. Следует заметить, что изучению этого региона уделяли внимание как отечественные, так и зарубежные историки, занимавшиеся исследованием этноконфессиональной и образовательной политики в Поволжье [4; 6; 19; 26]. Книга Стейнведела наряду с собственной концепцией предоставляет богатый фактический материал, который, однако, невозможно отразить в реферате.

В то же время на примере исследования с большим хронологическим охватом особенно заметна недостаточная проработанность истории Российской империи в целом, отсутствие логически связного «большого нарратива». В первый период своего существования Россия характеризуется как одна из «степных» евразийских империй. Затем, после того как Петр I прорубил «окно в Европу», Российская империя рассматривается автором уже как одна из типичных европейских империй. «Евразия» возвращается в повествование в начале XX в., однако рассматривается достаточно пунктирно.

Два следующих материала посвящены регионам, история вхождения которых в состав России и пребывания их в этом качестве вплоть до распада СССР весьма дискуссионна. Авторы книг, посвященных Украине и Кавказу, решают проблему научного противостояния политизированному публичному дискурсу разными способами.

«Украинский вопрос» в Российской империи – тема, к которой обратились этнографы, историки и антропологи и которая несмотря на свою политизированность получила в сборнике, отреферированном Т.Б. Уваровой, исключительно взвешенное, истинно научное освещение. В центре внимания авторов – научный дискурс XVIII–XIX вв., формирование идентичностей (этнической, религиозной, имперской), язык и языковая политика, этнонимы и топонимы (география занимает в представленных исследованиях немаловажное место). Материал демонстрирует потенциальные возможности этнографической науки в изучении империи, позволяя по-новому раскрыть многие процессы, показать развернутый спектр социальных слоев общества, конкретизировать этнолингвистические и социокультурные процессы в регионе. В то же время немалый интерес представляет и помещенная в книге статья о малоизвестной истории региона в XVII–XVIII вв., когда Украина постепенно вливалась в состав России как важная часть общеимперского проекта.

Не менее острая тема – вхождение Кавказа в состав Российской империи, и свой вклад в дискуссии вносит книга Л.С. Гатаговой и В.В. Трепавлова, в которой собраны статьи, издававшиеся авторами в предыдущие годы. В реферате, написанном И.Е. Эман, представлены хроника вхождения Грузии в состав России, история формирования административного управления Северным Кавказом и Закавказьем, сюжет о переселении адыгов в Османскую империю в ходе и после окончания Кавказской войны. Этот регион явно недостаточно изучен в зарубежной историографии [13; 22], тем ценнее материал, представленный в сборнике обширным рефератом. В данном случае для борьбы с политизированностью используется другой, традиционно исторический подход: показать, «как это было на самом деле», представить максимальное количество фактов, реконструировать «объективную» историческую картину. Его возможности, однако, достаточно ограничены, и при всех декларациях ощущается явная нехватка проблематики, которую принес с собой в историографию «имперский поворот».

Одной из центральных тем имперских исследований, наряду с формированием русской имперской идентичности, является управление империей в условиях этнического многообразия, что обуславливает особое внимание к дискурсам и практикам внутренней политики (политики русификации, этноконфессиональной политики) и проектам по культурной ассимиляции. Эти проблемы рассмотрены А.А. Комзоловой в небольшом, но очень содержательном обзоре, посвященном Северо-Западному краю, в состав которого входили современные Литва и Белоруссия. Следует отметить, что западные окраины стали одним из первых объектов исследования зарубежных историков – первопроходцем в данном случае являлся американец Т. Уикс [50]. Уже в 1990-е годы он отметил ряд особенностей политики русификации, которая, по его мнению, началась не в царствование Александра III, а гораздо раньше – после подавления Польского восстания 1863 г. Позднее к изучению этих проблем присоединились и другие историки, работы которых кратко рассмотрены А.А. Комзоловой с особым вниманием к XIX в. и новым подходам, наметившимся в историографии.

Тематически (и географически) примыкает к материалу о Северо-Западном крае реферат, написанный М.М. Минцем и посвященный проблеме обращения иудеев в христианство в Российской империи XIX в. В реферируемой им книге история обращений в западных губерниях рассматривается в нескольких измерениях: с

точки зрения политики государства, в повседневной жизни людей и в сфере конструирования этноконфессиональной идентичности.

Тема религиозности и религиозной политики давно разрабатывается в зарубежной историографии, в которой подчеркивается, что Российская империя, классифицировавшая своих подданных по вероисповедному признаку, являлась по сути «конфессиональным государством» [18; 52]. Соответственно, конфессиональная политика в империи имела прямое отношение к строительству государства и служила инструментом стабилизации в условиях религиозного многообразия. Большое внимание исследователи уделили не только православию и процессу христианизации в империи, но и исламу и обращениям в христианство и обратно, особенно на материале региона Поволжья [4; 17; 20; 25; 26; 51]. Эта историография рассматривалась в сборнике, изданном в ИНИОН несколько лет назад¹. Реферат М.М. Минца является существенным дополнением к уже изданным материалам и подчеркивает значение темы в изучении России как империи, которая характеризовалась высокой степенью религиозной толерантности.

Принято считать, что XIX век являлся не только веком национализма, но и «веком империй». Эта точка зрения подкрепляется представлениями о «первой волне глобализации», начавшейся в середине века. В книге американской исследовательницы Эдиты Бояновской рассматривается «мир империй», каким его увидел русский писатель Иван Александрович Гончаров во время своего «почти кругосветного» путешествия на фрегате «Паллада». В реферате, написанном О.В. Большаковой, подчеркивается потенциал литературоведческих исследований для понимания истории. Направление, изучающее империи на материале художественной литературы, в том числе травелогов, с применением инструментов литературоведческого анализа, действительно является перспективным, позволяя выстроить образ империи и империализма, складывавшийся на протяжении XIX–XX вв. Следует упомянуть здесь интересные работы как наших соотечественников, так и зарубежных авторов [8; 40].

Существенной частью достаточно «романтического» образа империализма, представленного в данном материале, является категория «пространства». Интерес к «пространству империи» возник уже довольно давно, причем это интерес прежде всего к его

¹ Религия и церковь в истории России: Современная историография: Сб. обзоров и реф. – М.: ИНИОН, 2016. – 210 с.

субъективному восприятию (к «имперскому воображению»). В то же время историки исследуют и вполне реальное пространство, изучая историю российской колонизации в ходе неуклонного расширения империи, осваивающей периферию [38].

В географическом воображении империя означает прежде всего «простор», причем не только сухопутный, но и, как показывают современные исследования, морской. «Морская» тема, несомненно, важна для понимания истории России (граничившей с 13 морями и двумя океанами), в том числе в рамках проблематики, связанной с империализмом, внешней политикой и формированием территорий империй, пишет в своем обзоре «За семью морями» британская исследовательница Дж. Лейкин [30, с. 632–633]. Внимание исследователей начинают привлекать Тихий и Северный Ледовитый океаны, а также Средиземноморье, в особенности Черноморский регион [24; 41]. «Морское» измерение континентальной Российской империи, вся история которой была подчинена получению доступа к незамерзающим морям, постепенно входит в круг интересов специалистов, занимающихся пространственной историей. В русле этих подходов написана книга гречанки Эвридики Сифнеос об Одессе, которую автор видит не столько южной окраиной Российской империи, сколько многонациональным портом, входившим в систему связей Средиземноморья (реферат подготовлен А.А. Комзоловой).

«Это книга ученого-космополита о космополитическом городе», – написали в редакционном предисловии друзья и коллеги, подготовившие ее к изданию после безвременной смерти автора. Эвридика Сифнеос, гречанка с российскими корнями, в своей профессии сочетала знание французской и англосаксонской исторических школ, знала и любила Черное море, изучая один из крупнейших городов на его побережье – Одессу – в течение 15 лет. Ее подход прежде всего пространственный, причем она смотрит на Одессу не с высоты птичьего полета, а с точки зрения пешехода, гуляющего по городу и знакомящегося с жизнью людей, его населяющих.

Из Средиземноморья материалы сборника переносят нас в среднеазиатские степи, пустыни и оазисы. Этот регион достаточно активно изучался зарубежными исследователями, в имперской парадигме начали работать и отечественные историки [1; 6; 15; 20; 34; 45]. Два реферата, подготовленных О.В. Большаковой, дают представление о том, как осваивалась Казахская степь, как происходило формирование системы управления ею и присоединенны-

ми к России в 1860–1880-е годы Туркестанским краем и ханствами Средней Азии. В книге Р.Ю. Почекаева, хотя и посвященной достаточно традиционной для отечественной историографии теме политической и административной истории, дается новое ее измерение – личностное. Новизна авторского подхода заключается в том, что политика Российской империи рассматривается как результат взаимодействия представителей центральной власти и местных владетелей – казахских ханов и султанов, ханов и эмиров Бухары, Хивы, Коканда.

В основе книги Йена Кэмпбелла лежит концепция знания / информации, которая была необходима для управления Казахской степью. Автор прослеживает процесс постепенного накопления знаний о Степи, подчеркивая роль как российских ученых и военных, так и «казахских посредников» в складывании представлений о регионе и о формах, какие должна принимать там «цивилизаторская миссия» империи. Работа Кэмпбелла вносит свой вклад в изучение проблемы власти / знания, которая активно разрабатывалась постколониальными исследованиями и ассоциируется с именами таких теоретиков, как М. Фуко и Э. Саид. Речь идет о влиянии ученых-востоковедов на формирование знаний о Востоке и политики по отношению к нему. Следует заметить, что проблеме «Россия / Восток» автор не уделяет специального внимания, отсылая читателя к дискуссиям начала 2000-х годов, которые, надо сказать, не увенчались каким-либо «прорывом» [42].

Как и в книге Р.Ю. Почекаева, в работе Кэмпбелла значимое место занимают представители местного населения (в данном случае представители «интеллектуальных элит») и взаимодействие с ними российских чиновников, писателей, ученых, миссионеров. Усиление внимания к «человеческому измерению» имперской истории России становится одной из важных тенденций в историографии [43].

В обзоре, написанном Ю.В. Дунаевой, анализируются биографии «людей империи»: С.Ю. Витте, барона Унгерна, епископа Иннокентия (Веньяминова). На материалах их биографий удастся рассмотреть такие сюжеты, как этноконфессиональная и колониальная политика первой половины XIX в., экономическое развитие России конца XIX – начала XX в., военные конфликты и, конечно, конец империи. Не менее важно географическое измерение представленных в обзоре биографий: жизненные траектории Витте и барона Унгерна переносят читателя из Тифлиса в Одессу, Киев, Санкт-Петербург, Ревель, Галицию, Забайкалье.

Биография епископа Камчатского, Курильского и Алеутского Иннокентия разворачивается в самом отдаленном регионе империи – принадлежавшей тогда России Аляске. Следует отметить, что тема Русской Америки давно уже привлекает внимание исследователей, и ее востребованность пока не иссякает [33; 37; 49]. Учитывая современные тенденции, можно предполагать дальнейшее ее изучение в рамках не только имперской, но и экоистории.

В современной отечественной и зарубежной историографии России как империи рассматриваются и анализируются такие дискуссионные до настоящего времени проблемы, как «Россия / Запад, Россия / Восток», степень уникальности российского империализма, концепция «внутренней колонизации», роль поднимающегося национализма в распаде Российской, Османской и Габсбургской империй в ходе Первой мировой войны. Этой теме посвящен обзор, подготовленный О.В. Большаковой, в котором показано разнообразие точек зрения на причины распада Российской империи. Тем не менее значение Первой мировой войны в этом процессе уже не оспаривается сегодня, речь идет скорее о разном понимании соотношения империи и национального государства – что неизбежно влияет на понимание перспектив современного развития.

Завершает сборник реферат, написанный Д.Д. Трегубовой и посвященный малоизученному региону – российско-китайскому фронтиру. В зарубежной историографии эта «контактная зона» империй вызывает растущий интерес, примером тут является книга медицинского антрополога К. Линтериса «Этнографическая чума», учитывающая как имперское измерение, так и глобальный контекст [31]. В книге, прореферированной Д.Д. Трегубовой, дается иной подход: формирование уйгурской нации рассматривается в ней в контексте истории двух стран, России и Китая. Важным моментом является отсутствие «революционного разрыва» в повествовании, половина которого посвящена советскому периоду (оставшемуся за рамками реферата).

Список литературы

1. *Васильев Д.В.* Время империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. – М.: РОССПЭН, 2018. – 638 с.
2. *Верп П.* Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия в Российской империи / Пер. с англ. Н. Мишаковой,

- М. Долбилова, Е. Зуевой и автора. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 280 с.
3. *Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). – М.: Индрик, 1999. – 270 с.
 4. *Джераси Р.* Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России / Авторизов. пер. с англ. В. Гончарова. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 548 с. – Оригинал: *Geraci R.P.* Window on the East: National and imperial identities in late tsarist Russia. – Ithaca: Cornell univ. press, 2001. – XIV, 389 p.
 5. *Кушко А., Таки В., Гром О.* Бессарабия в составе Российской империи. – М.: НЛЮ, 2012. – 392 с.
 6. *Любичанковский С.В.* Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: Исторический опыт Оренбургского края (середина XIX – начало XX в.). – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2018. – 264 с.
 7. Новая имперская история Северной Евразии / И. Герасимов, М. Могильнер, С. Глебов; при участии А. Семенова. – Казань: Ab Imperio, 2017. – Ч. 1: Конкурирующие проекты самоорганизации, VII–XVII вв. – 362 с.; Ч. 2: Балансирование имперской ситуации, XVIII–XX вв. – 628 с.
 8. *Проскура В.* Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. – М.: НЛЮ, 2006. – 322 с.
 9. *Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока: Имперская география власти XIX – начала XX века. – Омск: Издательство Омского государственного университета, 2004. – 552 с.
 10. *Сартори П., Шаблей П.* Эксперименты империи: Адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 280 с.
 11. Северный Кавказ в составе Российской империи. – М: НЛЮ, 2007. – 460 с.
 12. Сибирь в составе Российской империи. – М.: НЛЮ, 2007. – 362 с.
 13. *Breyfogle N.B.* Heretics and colonizers: Forging Russia's empire in the south Caucasus. – Ithaca: Cornell univ. press, 2005. – XVII, 347 p.
 14. *Brisku A.* Political reform in the Ottoman and Russian empires: a comparative approach. – L.; N.Y.: Bloomsbury Academic, an Imprint of Bloomsbury Publishing Plc, 2017. – VI, 266 p.
 15. *Brower D.* Turkestan and the fate of the Russian empire. – N.Y.: Routledge Curzon, 2003. – XXIV, 213 p.
 16. *Burbank J., Cooper F.* Empires in world history: Power and the politics of difference. – Princeton: Princeton univ. press, 2010. – XIV, 511 p.
 17. *Campbell E.* The Muslim question and Russian imperial governance. – Bloomington: Indiana univ. press, 2015. – XI, 298 p.
 18. *Crews R.D.* For prophet and tsar: Islam and empire in Russia and Central Asia. – Cambridge: Harvard univ. press, 2006. – 463 p.
 19. *Dowler W.* The classroom and empire: The politics of schooling Russia's Eastern nationalities, 1860–1917. – Montreal: McGill-Queen's univ. press, 2001. – XIV, 296 p.
 20. *Frank A.J.* Bukhara and the Muslims of Russia: Sufism, education, and the paradox of Islamic prestige. – Leiden: Brill, 2012. – VI, 215 p.

21. *Glebov S.* From empire to Eurasia: politics, scholarship and ideology in Russian Eurasianism, 1920 s–1930 s. – DeKalb: Northern Illinois univ. press, 2017. – VIII, 237 p.
22. *Jersild A.* Orientalism and empire: North Caucasus mountain peoples and the Georgian frontier, 1845–1917. – Montreal: McGill univ. press, 2002. – XI, 253 p.
23. *Imperial Russia: New histories for the empire* / Ed. by Burbank J., Ransel D.L. – Bloomington, 1998. – XXXIII, 359 p.
24. *Jones R.T.* Empire of extinction: Russians and the North Pacific's strange beasts of the sea, 1741–1867. – Oxford: Oxford univ. press, 2014. – 310 p.
25. *Kane E.* Russian hajj: empire and the pilgrimage to Mecca. – Ithaca: Cornell univ. press, 2015. – XIV, 241 p.
26. *Kefeli A.* Becoming Muslim in imperial Russia: Conversion, apostasy, and literacy. – Ithaca: Cornell univ. press, 2014. – X, 289 p.
27. *Khodarkovsky M.* Russia's steppe frontier: The making of a colonial empire, 1500–1800. – Bloomington: Indiana univ. press, 2002. – XII, 290 p.
28. *Kivelson V.* Cartographies of tsardom: The land and its meanings in seventeenth-century Russia. – Ithaca: Cornell univ. press, 2006. – XIV, 263 p.
29. *Kozelsky M.* Christianizing Crimea: Shaping sacred space in the Russian empire and beyond. – DeKalb: Northern Illinois univ. press, 2010. – XI, 270 p.
30. *Leikin J.* Across the seven seas: Is Russian maritime history more than regional history? // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian history*. – Bloomington, 2016. – Vol. 17, N 3. – P. 631–646.
31. *Lynteris Chr.* Ethnographic plague: Configuring disease on the Chinese-Russian frontier. – L.: Palgrave Macmillan, 2016. – XIX, 199 p.
32. *Maiorova O.* From the shadow of empire: Defining the Russian nation through cultural mythology, 1855–1870. – Madison: Univ. of Wisconsin press, 2010. – 277 p.
33. *Miller G.A.* Kodiak Kreol: Communities of empire in early Russian America. – Ithaca: Cornell univ. press, 2010. – XXI, 216 p.
34. *Morrison A.S.* Russian rule in Samarkand, 1868–1910: A comparison with British India. – Oxford: Oxford univ. press, 2008. – XXX, 364 p.
35. *Of religion and empire: Missions, conversion, and tolerance in tsarist Russia* / Ed. by Geraci R.P., Khodarkovsky M. – Ithaca: Cornell univ. press, 2001. – VI, 356 p.
36. *Orientalism and empire in Russia* / Ed. by David-Fox M., Holquist P., Martin M. – Bloomington: Slavica publishers, 2006. – 363 p.
37. *Owens K.N., Petrov A.Yu.* Empire maker: Aleksandr Baranov and Russian colonial expansion into Alaska and Northern California. – Seattle: Univ. of Washington press, 2015. – XIII, 341 p.
38. *Peopling the Russian periphery: Borderland colonization in Eurasian history* / Ed. by Breyfogle N., Schrader A., Sunderland W. – N.Y., 2007. – XVI, 288 p.
39. *Pravilova E.A.* A public empire: Property and the quest for the common good in imperial Russia. – Princeton: Princeton univ. press, 2014. – IX, 435 p.
40. *Ram H.* The imperial sublime: A Russian poetics of empire. – Madison: Univ. of Wisconsin press, 2003. – X, 307 p.
41. *Robarts A.* Migration and disease in the Black Sea region: Ottoman-Russian relations in the late eighteenth and early nineteenth centuries. – L.; N.Y.: Bloomsbury Academic, 2016. – 281 p.

42. Russia's Orient: Imperial borderlands and peoples, 1700–1917 / Ed. by Brower D.R., Lazzarini E.J. – Bloomington: Indiana univ. press, 1997. – XX, 339 p.
43. Russia's people of empire: Life stories from Eurasia, 1500 to the present / Ed. by Norris S.M., Sunderland W. – Bloomington: Indiana univ. press, 2012. – XV, 365 p.
44. Russian empire: Space, people, power / Ed. by Burbank J., von Hagen M., Remnev A. – Bloomington: Indiana univ. press, 2007. – XII, 538 p.
45. *Sahadeo J.* Russian colonial society in Tashkent, 1865–1923. – Bloomington: Indiana univ. press, 2007. – X, 316 p.
46. *Stoler A.L.* Duress: imperial durabilities in our times. – Durham: Duke univ. press, 2016. – XII, 436 p.
47. *Sunderland W.* Taming the wild field: Colonization and empire on the Russian steppe. – Ithaca: Cornell univ. press, 2004. – XV, 239 p.
48. *Tuna M.* Imperial Russia's Muslims: Islam, empire and European modernity, 1788–1914. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2015. – XIV, 277 p.
49. *Vinkovetsky I.* Russian America: An overseas colony of a continental empire, 1804–1867. – Oxford; N.Y.: Oxford univ. press, 2011. – XIII, 258 p.
50. *Weeks T.* Nation and state in late imperial Russia: Nationalism and russification on the Western frontier, 1863–1914. – DeKalb: Northern Illinois univ. press, 1996. – XIII, 297 p.
51. *Werth P.W.* At the margins of orthodoxy: Mission, governance, and confessional politics in Russia's Volga-Kama region, 1827–1905. – Ithaca: Cornell univ. press, 2002. – X, 275 p.
52. *Werth P.* The tsar's foreign faiths: Toleration and the fate of religious freedom in imperial Russia. – Oxford; N.Y.: Oxford univ. press, 2014. – XVI, 288 p.

О.В. Большакова

Рибер А.

**БОРЬБА ЗА ЕВРАЗИЙСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ:
ОТ ИМПЕРИЙ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ
ДО КОНЦА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(Реферат)**

Rieber Alfred J.

The struggle for the Eurasian borderlands: From the rise of Early modern empires to the end of the First World war. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2014. – X, 640 p.

В монографии Альфреда Дж. Рибера (Центральный европейский университет, Будапешт) предпринята попытка дать определение тому сложному историческому процессу, который обусловил крупнейшие кризисы XX в., – две мировые и холодную войны. По мнению автора, борьба в Евразии за территории и ресурсы происходила на двух уровнях: сверху – между соперничавшими между собой империями, особенно в период формирования государств, а также снизу – между центрами власти и подчиненными народами. В качестве главных «игроков» в сфере государственного строительства в Евразии обозначены Австрия, Турция, Россия, Иран и Китай. Хотя задачей книги является изучение всех этих империй в широкой «транснациональной» перспективе, Рибер, известный специалист по российской истории, акцентирует внимание на сопоставлении России с ее основными соперниками на западном и южном направлениях – с Австрией и Турцией, оставляя Иран и Китай на втором плане своего исследования. Своего рода исходной точкой всей работы является желание автора объ-

яснить тот феномен, что, за исключением войн, связанных с объединением Италии и Германии, в период от Венского конгресса 1815 г. и до середины XX в. войны в Европе и Азии преимущественно начинались в евразийском пограничье, на периферии континентальных империй, причем Российская империя прямо или опосредованно была вовлечена в большинство этих конфликтов (с. 1–2).

Книга состоит из введения, шести глав и заключения. В первой главе («Имперское пространство») автор, отмечая «текучесть» географических концептов «границ» и «пограничья», определяет собственный подход к проблеме как «геокультурный». Противопоставляя его двум другим «широко принятым» теоретическим подходам – геополитическому и цивилизационному (которые он называет «детерминистскими» и «политически нагруженными»), Рибер тем самым стремится избежать идеологически обусловленных предубеждений в отношении исторической роли России в Евразии (с. 6–7). Благодаря выбранному им подходу, по мнению автора, возможно рассматривать евразийские пограничные территории как «оспариваемое геокультурное пространство», которое, не будучи ни географически детерминированным, ни полностью «воображаемым», тем не менее постоянно наделялось идеологическими смыслами. По убеждению автора, «геокультурный» подход также позволяет поместить вопрос об экспансии России в Евразии в иной контекст, представляя эту экспансию как «продукт многовековой борьбы между соперничавшими империями» (с. 8).

Особое внимание автор уделяет понятию «пограничье» (borderlands) в контексте борьбы за культурную и политическую идентичность Евразии. Согласно его определению, это приграничные территории на периферии мультикультурных государств, которые были инкорпорированы в имперскую систему как отдельные административные единицы, зачастую с автономными институтами, соответствовавшими их культурным и политическим особенностям (с. 59). Границы в этом пространстве можно рассматривать в двух измерениях: это внутренняя культурная граница по отношению к центру государственной власти, но это и внешняя военная граница, по своей сути нестабильная, которая обращена к территориям, оспаривавшимся другими державами.

Сам термин «пограничье» имплицитно предполагает наличие ядра. Парадоксально, но значительно труднее дать адекватное пространственное определение ядру, чем собственно пограничью,